
Вебер А. Б.

РОССИЯ ПЕРЕД ИННОВАЦИОННЫМ ВЫЗОВОМ: ОПЫТ «НУЛЕВЫХ» ГОДОВ

Вебер Александр Борисович — доктор исторических наук,
Главный научный сотрудник Института социологии РАН

E-mail: mailbox@polisma.ru

Тел.: +7 (499) 128 80 22

Аннотация. В статье анализируются результаты перехода на инновационный путь развития в начале XXI века, провозглашённый руководством страны в качестве приоритетной цели. Рассматриваются разработанные и принятые официальные программные документы, где был намечен план действий в этом направлении, а также обсуждаются вызовы, с которыми столкнулась страна на новом историческом рубеже, обозначенном событиями конца 2011 — начала 2012 годов.

Полная версия статьи опубликована в: Россия реформирующаяся. Ежегодник. Вып. 11 / Отв. ред. М. К. Горшков. М.: Новый хронограф, 2012. С. 82-105.

Ключевые слова: инновация, модернизация, государственная поддержка, глобальная экономика, человеческий потенциал.

Инновационное развитие как государственная задача

Инновационной деятельности присуща высокая степень рисков. Уже по этой причине занятый в ней частный бизнес нуждается в прямой и/или косвенной поддержке государства. Тем более необходимой в век глобализации, в условиях обострения международной конкуренции, когда ускорение инновационного процесса становится важнейшим фактором конкурентоспособности национальных экономик.

В России попытки дать импульс инновационному развитию на государственном уровне предпринимаются с конца 90-х гг. В 1997 г. в Государственную думу и в Совет Федерации был представлен законопроект «Об инновационной деятельности в Российской Федерации», но он не был принят. Позднее, в 1999 г., Дума приняла, а Совет Федерации одобрил Федеральный закон «Об инновационной деятельности и государственной инновационной политике», но и этот закон не состоялся, так как был отозван и снят с дальнейшего рассмотрения.

В то же время Центром стратегических разработок (ЦСР) была подготовлена и в июне 2000 г. опубликована программа социально-экономического развития РФ на период до 2010 г. («Стратегия-2010»). Один из ее главных разделов был посвящен инновационному развитию как необходимому условию модернизации экономики. Были определены три этапа перехода к инновационной стадии развития России. Первый (2000-2002) – создание экономических, инфраструктурных и институциональных предпосылок; второй (2003-2007) – технологическое перевооружение производства и выход на внутренний рынок наукоемкой продукции мирового уровня; третий (2007-2010) – собственно инновационный этап развития.

«Стратегия-2010» не получила статуса официального плана действий правительства. Но в 2005 г. правительство утвердило «Основные направления политики РФ в области развития инновационной системы на период до 2010 года». В этом документе были вновь и подробно расписаны задачи по созданию в России эффективной инновационной системы. Но эти задачи (как и большинство основных задач «Стратегии 2010») за время первых двух сроков президентства В. Путина не были решены.

Они вновь были поставлены в повестку дня президентом Д. Медведевым в его программе российской модернизации. Основные ее параметры были определены в «Концепции долгосрочного социально-экономического развития РФ на период до 2020 года». Там были установлены новые целевые ориентиры модернизации и поэтапного перехода к инновационному типу развития. Во главу угла (как и ранее) ставилось развитие человеческого потенциала, превращение творческого потенциала человека в ведущий фактор экономического развития. Говорилось о формировании «нового механизма социального развития, основанного на **сбалансированности предпринимательской свободы, социальной справедливости и национальной конкурентоспособности**»¹.

С 2009 г. возобновились попытки законодательного регулирования государственной поддержки инновационной деятельности. Группа депутатов от «Справедливой России» неоднократно вносила в Государственную Думу законопроект «Об инновационной деятельности в Российской Федерации», но безрезультатно. Только

¹ См.: Концепция долгосрочного развития Российской Федерации. [Электронный ресурс] //Правительство РФ URL: <http://правительство.рф/docs/584/> (Дата обращения 12.10.2012).

после того, как в феврале 2011 г. законопроект о государственной поддержке инновационной деятельности был внесен группой депутатов от «Единой России» и других фракций, он был рассмотрен в первом чтении.

Но вопрос решился иначе. В июле того же года был принят и подписан президентом Медведевым Закон № 254-ФЗ о внесении изменений в Закон от 23 августа 1996 г. № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике»: в него включены дополнения — определение основных понятий, относящихся к инновационной деятельности, и глава IV1 «Государственная поддержка инновационной деятельности», где указаны основные цели и принципы такой поддержки, субъекты и формы ее предоставления, порядок оценки ее эффективности.

В России появились частные венчурные фонды. В 1997 г. была основана Российская ассоциация венчурного инвестирования (РАВИ). В 2006 г. образована Национальная ассоциация инноваций и развития информационных технологий (НАИРИТ). По решению правительства в том же году создана Российская венчурная компания (РВК) — государственный «фонд фондов», призванный стать одним из ключевых инструментов формирования национальной инвестиционной системы.

Законом «О науке и государственной научно-технической политике» в редакции 2011 г. предусмотрены различные формы поддержки научной, научно-технической и инновационной деятельности, в том числе финансовой (специальные фонды, субсидии, гранты, кредиты и пр.). В ст. 267 Налогового кодекса внесены изменения, согласно которым с 1 января 2012 г. компании получили право откладывать 3% от подоходного налога в качестве резерва под будущие НИОКР.

Оценить КПД уже существующих венчурных фондов трудно. Эксперты указывают на низкую результативность межведомственной координации исследований и разработок, отсутствие эффективных механизмов трансфера результатов оборонных и гражданских исследований и разработок, правовое несовершенство формы и механизмов государственно-частного партнерства, низкий уровень публичности результатов научной и инновационной деятельности, а также конкуренции в научной среде.

Наиболее успешны с точки зрения инновационного развития российские телекоммуникационные компании. Их успехи обусловлены главным образом использованием передовых зарубежных технологий, импортом иностранного оборудования. Лишь немногие отечественные компании в этой отрасли способны целенаправленно выстраивать инновационные стратегии, основанные на самостоятельной разработке новых технологий.

Общий уровень инновационной активности в народном хозяйстве остается низким. Многие характеристики научно-технического потенциала — средний возраст исследователей, научное оборудование, финансирование — существенно уступают показателям передовых промышленных стран. На протяжении

всего постсоветского периода число организаций, занятых в сфере НИОКР, сокращалось. Были ликвидированы многие когда-то знаменитые советские КБ.

Объем финансирования НИОКР по сравнению с советским периодом в начале 90-х г. снизился в несколько раз – до 0,85% ВВП (чуть ли не вдвое сократившегося) в 1995 г. К 2011 г. этот показатель немного вырос, до 1,05% ВВП, что намного ниже достигнутых еще ранее аналогичных показателей в США (2,8%), Финляндии (3,5%), Швеции (3,7%)¹. По мнению академика С. Глазьева, становление в России нового технологического уклада немыслимо без *трехкратного* увеличения расходов на науку и инновации (что, в свою очередь, требует значительного увеличения нормы накопления в народном хозяйстве)².

Но проблема – не только в уровне финансирования. Проблема и в дефиците спроса на инновационные разработки со стороны промышленности и других отраслей хозяйства. Руководству федеральной целевой программы научно-технического развития приходится иметь дело преимущественно с инновационными проектами, которые предлагают сами исследовательские организации и центры, но которые часто не могут найти коммерческого применения.

В начале 2011 г. Минэкономразвития предало гласности новый проект стратегии инновационного развития – «Инновационная Россия-2020». Согласно этому документу за десятилетие доля инновационной продукции в общем объеме промышленного производства должна вырасти до 25-35% (5% в 2010 году). Каким образом это произойдет, если в экономике по-прежнему доминирует сырьевая составляющая? Причины технологического отставания и низкой инновационной активности российских предприятий в этом проекте не обсуждаются.

Причины торможения – в перекосах переходного периода

Российские реформаторы 90-х гг., сделав ставку на дерегулирование и ускоренную приватизацию (что отвечало интересам властной номенклатуры и теневых дельцов), сильно переоценили

¹ Доклад о развитии человека 2010. Реальное богатство народов: путь к развитию человека. / Пер. с англ. – М.: «Весь мир», 2010. Табл. 15. С. 202.

² Глазьев С. Как оседлать волну. «Независимая газета», 3 февраля 2012 г.

возможности рыночной «самонастройки» и серьезно недооценили присущие рынку дисфункции. В российском обществе и сейчас, двадцать лет спустя после распада СССР, преобладает критическое отношение к той модели реформ, которая была навязана стране в постсоветский период¹.

Интеграция России в глобальную экономику получила однобокий характер. Рыночные стимулы, подкрепленные конъюнктурой на мировом рынке, способствовали усилению *экспортно-сырьевой направленности российской экономики*. В постсоветский период доля экспорта по отношению к ВВП выросла с 18% в 1990 г. до 30% в 2010 г., а доля сырьевых продуктов в экспорте (нефть и нефтепродукты, газ, уголь и др.) – с 42,5% в 1995 г. до 68,8% в 2010 г.² «Сырьевой флюс» российской экономики разительным образом контрастирует с ситуацией, характерной для Китая, Индии и многих других развивающихся стран: в их экспорте преобладает и занимает все большее место продукция обрабатывающей промышленности, а доля в нем высокотехнологичной продукции намного больше, чем в России.

Хотя на протяжении «нулевых» Россия имела положительное сальдо торгового баланса в сотни миллиардов долларов (только за 2005-2010 гг. – суммарно – около одного триллиона долларов), эти огромные валютные ресурсы не были использованы для подъема реального сектора экономики. В экономической политике продолжали доминировать интересы сырьевого лобби. Ускоренными темпами рос импорт. Ориентация на сырьевой экспорт обернулась тормозом для развития реального сектора, для технического прогресса.

Фактором торможения стало и *отставание России по социальным показателям, характеризующим формирование человеческого потенциала*. Опыт многих стран показал: опережающий рост инвестиций в развитие человека – в науку, образование, здравоохранение – обеспечивает ускорение темпов инновационного развития. По этому пути пошли и добились значительных результатов некоторые страны Юго-Восточной Азии.

В России этого не случилось. Мы сильно уступаем странам Запада (и не только) по уровню социальных расходов – их доля в ВВП в 1,5-2 раза меньше, чем в развитых странах. Неудивительно поэтому, что в 90-е г. индекс человеческого развития в России сильно упал, и даже после того, как падение приостановилось, Россия в 2011 г. занимала по этому показателю лишь 66 место (из 187 государств) – позади многих стран Восточной Европы и Латинской Америки.

Человеческий капитал – главная составляющая национального богатства современных обществ. В развитых странах на него приходится до 70-80% всего национального богатства, тогда как в России, по оценке Л. Нестерова

¹ См.: Двадцать лет реформ глазами россиян (опыт многолетних социологических замеров). Аналитический доклад. М.: Институт социологии РАН. 2011.

² По данным: Российский статистический ежегодник 2011. Табл. 11.2, с. 307 и табл. 25.2, с. 708; Доклад о развитии человека 2007/2008 / Пер. с англ. – М.: «Весь мир». 2007. Табл. 16, с. 286.

и Г. Ашировой, не более 50%¹. По мнению других отечественных исследователей, эта цифра завышена, т. к. исходит из завышенной оценки стоимости подготовки работника в России².

Оценка «веса» человеческого капитала зависит, конечно, от оценки веса природных ресурсов и физического капитала, доли которых в национальном богатстве разных стран неодинаковы. В новом зарубежном исследовании реального богатства наций приводятся оценки человеческого, физического и природного капитала в 20 странах, включая Россию, существенно отличающиеся от вышеприведенной³. Но подтверждается следующее: Россия – богатая страна по природным ресурсам, но относительно бедная по размеру человеческого и физического капитала на душу населения.

При всех оговорках в отношении методики этого исследования, полученные результаты достаточно убедительны как указание на приоритеты инвестиционной политики государства, а в нашем случае это наращивание инвестиций в науку, образование, здравоохранение, в обрабатывающую промышленность и инфраструктуру, в рациональное природопользование и защиту окружающей среды. Это ключевые проблемы, если говорить о перспективах социально-экономического развития России вообще и инновационного развития, в частности.

До сих пор государственная политика в области науки, образования, здравоохранения, культуры не отвечала требованиям перехода к инновационному типу развития. Власти систематически экономят на образовании. Крайне остро стоит вопрос о подготовке квалифицированных кадров для производства. Состояние медицинского обслуживания, несмотря на улучшения в отдельных учреждениях, остается неудовлетворительным в большинстве регионов и населенных пунктов. Культура – этот важнейший ресурс инновационного развития – отдана большей частью на откуп рынку.

Удручает моральный климат в обществе, усугубляемый нетерпимым уровнем социального неравенства. От застойной бедности страдают и те, кто мог бы стать мотором инноваций и модернизации.

¹ *Нестеров Л., Аширова Г.* Национальное богатство и человеческий капитал // «Вопросы экономики». 2003. № 2.

² См., например: *Корчагин Ю.* Эффективность национального человеческого капитала: методика измерения [Электронный ресурс] // Центр исследований региональной экономики URL: <http://www.lerc.ru/?part=articles&art=1&page=119>. (Дата обращения 24.11.2012).

³ *Inclusive Wealth Report 2012. Measuring progress toward sustainability.* Cambridge: Cambridge University Press, 2012. URL: http://www.unep.org/pdf/IWR_2012.pdf.

ции. Около половины населения, работающего в науке, образовании и здравоохранении, имеют уровень доходов ниже среднего. По признанию замглавы Минэкономразвития А. Клепача, «та часть общества, которая должна создавать интеллектуальные услуги, является в основной массе необеспеченным населением и по всем нашим прогнозам может остаться бедной до 2020 года и далее»¹.

Российский бизнес перед инновационным вызовом

Возможности российского бизнеса с точки зрения задач инновационного развития существенно ограничены сложившейся системой олигархически-бюрократического капитализма. Ее главная особенность — тесное переплетение власти и собственности, зависимость бизнеса от власти, использование рынка как орудия укрепления власти². Главными формами ведения бизнеса в России стали те, что принято называть «силовым предпринимательством», «семейным», «клановым» или «чекистским» капитализмом — подобные определения нередко фигурируют в средствах массовой информации.

Ядро экономической системы образуют *госкорпорации и компании с государственным участием*, в управлении которыми преобладают, скорее, частные, чем публичные интересы. Их главная забота — обеспечивать высокие доходы акционеров и топ-менеджеров — путем постоянного повышения тарифов. Хотя накануне выборов В. Путин счел нужным слегка пожурить «оборзевших» руководителей энергетических компаний, ожидается, что в ближайшие годы тарифы на энергоресурсы будут расти и дальше.

Опережающий рост доходов естественных монополий не сопровождается улучшением состояния инфраструктуры. Рост тарифов на газ, электроэнергию, транспортные услуги ставит другие отрасли экономики в трудное положение, что никак не способствует решению задач модернизации и инновационного развития. Сами государственные компании, имея возможность компенсировать свою неэффективность повышением тарифов, не особенно заинтересованы инвестировать в новые технологии. Их инновационная активность находится на достаточно низком уровне.

У *крупного частного бизнеса* также нет серьезной мотивации на внедрение инноваций. Доля частных инвестиций в общем финансировании НИОКР невелика, оно покрывается преимущественно из бюджетных источников³.

¹ Цит. по: «Независимая газета», 27 апреля 2011 г.

² См.: Олейник А. Власть и рынок: система социально-экономического господства в России «нулевых» годов. — М.: РОССПЭН, 2011.

³ Для сравнения: в США из федерального бюджета покрывается 35% финансирования НИОКР, остальное — из частных источников (корпорации, страховые компании, пенсионные фонды).

Российский бизнес, как заметил еще в начале своего президентства Д. Медведев, не мотивирован на инновационную деятельность¹. Большинство предпринимателей в России не спешат применять технические и технологические новшества, в корне меняющие процесс производства, ограничиваясь модификациями старой продукции.

Есть, конечно, исключения, но их мало. Эксперты констатируют низкий в России уровень корпоративного управления. К тому же бизнесу приходится действовать в условиях сильной зависимости от властей, экономической, политической и правовой неопределенности, у него нет уверенности в будущем. Крупный частный бизнес, как справедливо отмечают сведущие специалисты, это «квазичастный бизнес». Попытки хозяев ЮКОСА проявить самостоятельность плохо кончились для самой компании и для ее руководителей. Этот урок, похоже, хорошо усвоен другими олигархами.

Тем больше их тянет к «другому берегу»: к офшорам, где удобнее и выгоднее совершать коммерческие сделки, к вложениям в недвижимость и другие активы за рубежом, кредитованию у зарубежных заемщиков. Чистый вывоз капитала за 2000-2011 гг. оценивается Центробанком в 243 млрд долларов. В 2011 г. отток частного капитала, по данным Центробанка, достиг 84,2 млрд долларов. Бегство капиталов из России сокращает инвестиционные возможности внутри страны.

В принципе более мотивированы на инновации и обладают большей гибкостью в этом отношении *мелкие и средние предприятия*. Но экономический и общественно-политический климат для них также неблагоприятен. Доля мелких и средних предприятий в ВВП невелика, да и сосредоточены они преимущественно в торговле и услугах. О поддержке мелкого и среднего бизнеса много говорится, но меры в этом направлении половинчаты, саботируются местными властями, силовыми ведомствами, которые рассматривают бизнес как «дойную корову».

Органы юстиции нередко злоупотребляют статьями о «незаконном предпринимательстве», «отмывании доходов» и т. п. Одна из самых распространенных статей для преследования бизнесме-

¹ Выступление Д. Медведева на совещании по вопросам модернизации и технологического развития экономики 15 мая 2009 года [Электронный ресурс] // Президент России URL: <http://www.kremlin.ru/text/appurs/2009/05/216352.shtml> (Дата обращения 23.12.2012).

нов — статья 159 (мошенничество). По этой статье осуждают ежегодно до 30 тыс. человек. За последние 10 лет каждый шестой предприниматель тем или иным образом был подвергнут уголовному преследованию.

Уровень криминализации бизнеса действительно высок. Отчасти это объясняется изъянами фискальной и правовой системы, вынуждающей предпринимателей нарушать закон. Но многих предпринимателей осуждают незаконно, они становятся жертвами вымогательства, рейдерских атак с целью передела или захвата собственности. Предложения Д. Медведева по либерализации уголовного законодательства в части экономических преступлений натолкнулись на противодействие силовых структур.

От бизнеса, который постоянно «кошмарят», трудно ожидать инноваций. Число малых инновационных предприятий (МИП), зарегистрированных в отрасли «Наука и научное обслуживание», до середины «нулевых» годов неуклонно сокращалось: с 50 тыс. в 1995 г. до 23 тыс. в 2002 г.¹ По состоянию на 2010 г. в отрасли «Научные исследования и разработки» было зарегистрировано всего 33,7 тыс. частных предприятий и организаций, большинство которых можно отнести, очевидно, к малым предприятиям². Для сравнения: в США в сфере научно-технических услуг насчитывается более 850 тыс. компаний с общим числом занятых около 8 млн. человек.

Об уровне инновационной активности можно судить по следующим данным. В последние годы создавалось 700–800 передовых технологий в год (864 в 2010 г.). Но это большей частью известные технологии, новые для России. Принципиально новых технологий создается на порядок меньше (102 в 2010 г.)³. Среди компаний, которые относят к инновационно активным, лишь немногие действительно внедряют нововведения, серьезно изменяющие и улучшающие качество продуктов.

Непростительно низок уровень инновационной активности в такой жизненно важной сфере, как экология. Инвестиции в основной капитал, направляемые на охрану окружающей среды и рациональное природопользование, крайне малы, выделяются неравномерно, их доля по отношению к ВВП за 2000–2010 гг. не только не выросла, как следовало ожидать, а снизилась — с 0,3% до 0,2%.

Попытки властей стимулировать инновационную активность в различных областях народного хозяйства в рассматриваемый период не дали заметных результатов. Об отсутствии значимой позитивной динамики в «нулевые» годы свидетельствуют приводимые ниже данные Росстата (см. таблицу 1).

¹ Дежина И. Нужен ли России малый инновационный бизнес? // «Человек и труд». № 3. 2005 [Электронный ресурс] // Человек и труд URL: http://www.chelt.ru/2005/3-05/dezgina_3-05.html (Дата обращения 18.10.2012).

² Российский статистический ежегодник 2011. табл. 12.1, с. 346.

³ Российский статистический ежегодник 2011, табл. 21.27, с.559.

Таблица 1

Основные показатели инновационной деятельности в промышленности*, %

Показатели	2000	2010
Удельный вес организаций, осуществлявших технологические инновации	10,6	9,3
Удельный вес инновационных товаров и услуг**	4,4	4,9
Удельный вес затрат на технологические инновации**	1,4	1,5

*Обрабатывающие производства, добыча полезных ископаемых, производство и распределение электроэнергии, газа и воды.

**В общем объеме отгруженных товаров, выполненных работ, услуг.

Источник. Российский статистический ежегодник 2011, табл. 21.38, с. 563.

В технопарках, появившихся в 12 регионах, создано несколько сот компаний-резидентов – это очень мало для такой огромной страны, как Россия¹. Более 800 малых инновационных компаний учреждено при вузах и НИИ (это разрешено законом, принятым в 2009 году), но, по оценке экспертов, большая часть из них создана скорее для отчетности перед спонсорами – настолько мизерна стоимость интеллектуальной собственности, вносимая вузами в деятельность этих компаний.

В основе инновационной деятельности лежат изобретательство и предприимчивость. По уровню предпринимательской активности Россия отстает не только от других стран БРИКС, но и от большинства стран Восточной Европы. Зато налицо «русская изобретательность», широко признаваемая в мире. Российские «мозги» высоко ценятся за рубежом. Однако развал промышленности не мог не сказаться негативным образом на состоянии изобретательства в России. В постсоветский период изобретательская активность резко упала: годового количества заявок на изобретения (25–28 тыс.) стало в 10 раз меньше, чем 20 лет назад². Тираж журнала «Изобретатель и рационализатор» с 1989 г. сократился в 100 раз – до 4 тыс. экземпляров³.

¹ В Китае в конце прошлого века уже было более 120 технопарков.

² «НГ-Наука», 8 июня 2011 г. В Китае за период с 1995 по 2005 год количество ежегодно подаваемых заявок на изобретения увеличилось в пять раз, в Японии подается в год ок. 400 тыс. заявок. (Там же). По количеству патентов в год на 1 млн. жителей Россия отстает от Японии в 18 раз, от Южной Кореи – в 14 раз («НГ-Наука», 25 января 2012 г.).

³ «НГ-Наука», 14 апреля 2010 г.

Инновационное развитие и качество государства

В сложившихся условиях роль «мотора» инновационного развития пытается брать на себя государство (что нашло, в частности, отражение в проекте «Сколково» — детища Д. Медведева и в создании Агентства стратегических инициатив — детища В. Путина). Но реализации этой функции препятствует забюрократизированность и коррумпированность государственного аппарата.

Численность чиновников в России выросла за 2000-2010 гг. только в федеральных госорганах с 522,5 тыс. до 868,8 тыс.¹ Их верхнему слою гарантирован высокий уровень материального благосостояния. По данным Росстата, в 2011 г. заработная плата госслужащих федеральных органов в 3-4 раза превышала среднюю по экономике. Помимо официальной зарплаты есть разного рода надбавки и льготы, а также другие, часто гораздо более весомые доходы — масштабы коррупции в стране поражают.

«Коррупционный налог» мешает развитию бизнеса, в том числе — инновационного. Экономические отношения деформированы привычкой действовать «по понятиям». Предприниматели зависят от властных структур в центре и на местах в решении своих проблем — идет ли речь о разрешении открыть дело, о получении выгодных контрактов или каких-то других преференций, которые для многих становятся главным конкурентным преимуществом.

Существующий режим обеспечивает главный источник благополучия правящей элиты — использование природной и административной ренты. Заинтересованность правящей «элиты» в сохранении такого порядка находит отражение в приверженности партии власти консервативной идеологии, которая по орвелловски трактуется как «идеология развития», но плохо согласуется с идеей модернизации.

В либеральных кругах постоянно звучат требования о сокращении государственного вмешательства. Если подразумеваются злоупотребления вмешательством, то возразить трудно. Но вмешательство вмешательству рознь. Отмена обязательной сертификации продуктов питания — во имя свободной конкуренции! — привела в 2010-2011 гг. к десятикратному увеличению количества отравлений недоброкачественными продуктами. Ослабление контроля над соблюдением технических регламентов — к увеличению числа тяжелых транспортных катастроф в воздухе и на земле. Правильнее было бы говорить не о сокращении государственного вмешательства, а о его целях, характере, «качестве». Функции государственного управления могут быть шире или уже в зависимости от условий места и времени, от того, где вмешательство безусловно необходимо, и где оно необязательно или контрпродуктивно и должно быть ограничено, сведено к минимуму или исключено.

¹ Российский статистический ежегодник 2011, табл.2.3, с. 46.

Российская ситуация, с этой точки зрения, парадоксальна. Под флагом борьбы за бездефицитный бюджет государство ведет линию на коммерциализацию социальной сферы, в то время как в экономике – там, где рынок наиболее полезен и эффективен, – частный бизнес страдает от административного произвола. Поэтому можно понять тех, кто связывает перспективы модернизации с «разгосударствлением» российской экономики, т. е. высвобождением рыночных сил от административных «объятий».

Но очевидно и другое: переход к системному инновационному развитию невозможен без активного участия государства, без эффективной государственной политики развития несырьевых отраслей. На Западе, извлекая уроки из последнего, ставшего глобальным финансово-экономического кризиса, видные эксперты склоняются к выводу, что в процессе формирования новой макроэкономической системы маятник должен качнуться от рынка к государству. Применительно к России этот постулат требует уточнения: к какому государству? Очевидно, к такому, которое представляло бы и отстаивало в первую очередь публичные интересы, а не частные. Проблема в том, чтобы «изменить само государство», как выразился В. Путин в одной из своих предвыборных статей¹, но изменить таким образом, чтобы оно на деле стало *демократическим правовым* государством, как это определено Конституцией.

Что в перспективе?

В начале 2012 г. Министерство экономического развития представило свой прогноз на период до 2030 года, включая сценарные условия на долгосрочную перспективу. Речь шла о двух возможных сценариях: консервативном, подразумевающем сохранение топливно-сырьевой направленности экономики, и инновационном.

По оценке специалистов Министерства, в случае сохранения топливно-сырьевого доминирования в структуре экономики, неэффективных институтов и «проблемного» инвестиционного и предпринимательского климата неизбежно снижение темпов роста и сползание России на периферию мирового развития.

¹ Путин В. О наших экономических задачах. – «Ведомости», 30 января 2012 г. [Электронный ресурс] // Владимир Путин 2012 URL: <http://Putin2012.ru/events/149> (Дата обращения 24.11.2012).

Рассчитывать на увеличение доходов от экспорта нефти и газа не приходится — дадут себя знать факторы, ограничивающие рост этих доходов. Менее вероятным станет сокращение т. н. нефтегазового бюджетного дефицита (без учета доходов от экспорта нефти и газа), покрываемого до сих пор за счет нефтегазовых доходов.

Другой сценарий, инновационный, требует серьезных институциональных и структурных преобразований. По этому сценарию расходы на НИОКР нужно довести к 2030 г. до 3% ВВП, на образование — с 5% ВВП в 2010 г. до 7% в 2030 г., на здравоохранение — с 4,6% ВВП в 2010 г. до 7,3% в 2030 г.¹ При этом предполагается увеличение частных расходов на эти цели. В любом случае потребовалось бы такое изменение структуры бюджетных расходов, которое никак не согласуется с поставленной В. Путиным задачей рекордного увеличения военных расходов, а также с увеличением расходов на другие силовые структуры. И, конечно, пришлось бы считаться с ростом бюджетного дефицита, внешних заимствований и государственного долга.

Литература

1. Глазьев С. Как оседлать волну. «Независимая газета», 3 февраля 2012 г.
2. Дежина И. Нужен ли России малый инновационный бизнес? // «Человек и труд». № 3. 2005 [Электронный ресурс]//Человек и труд URL: http://www.chelt.ru/2005/3-05/dezgina_3-05.html (Дата обращения 18.10.2012).
3. Двадцать лет реформ глазами россиян (опыт многолетних социологических замеров). Аналитический доклад. М.: Институт социологии РАН. 2011.
4. Доклад о развитии человека 2010. Реальное богатство народов: путь к развитию человека. / Пер. с англ. — М.: «Весь мир», 2010.
5. Концепция долгосрочного развития Российской Федерации. [Электронный ресурс]//Правительство РФ URL: <http://правительство.рф/docs/584/> (Дата обращения 12.10.2012).
6. Корчагин Ю. Эффективность национального человеческого капитала: методика измерения [Электронный ресурс] //Центр исследований региональной экономики URL: <http://www.lerc.ru/?part=articles&art=1&page=119> (дата обращения 24.11.2012).

¹ Набиуллина Э. С. О приоритетах долгосрочного экономического развития. Выступление в Высшей школе экономики, 3 апреля 2012 года [Электронный ресурс] // Сайт Министерства экономического развития Российской Федерации. URL: http://www.economy.gov.ru/minec/press/news/doc20120403_001 (Дата обращения 16.11.2012).

7. Медведев Д. Выступление на совещании по вопросам модернизации и технологического развития экономики 15 мая 2009 года [Электронный ресурс]//Президент России URL: <http://www.kremlin.ru/text/appurs/2009/05/216352.shtml> (Дата обращения 23.12.2012).
8. Набиуллина Э. С. О приоритетах долгосрочного экономического развития. Выступление в Высшей школе экономики, 3 апреля 2012 года [Электронный ресурс]// Сайт Министерства экономического развития Российской Федерации. URL: http://www.economy.gov.ru/minrec/press/news/doc20120403_001 (Дата обращения 16.11.2012).
9. Нестеров Л., Аширова Г. Национальное богатство и человеческий капитал // «Вопросы экономики». 2003. № 2.
10. «НГ-Наука», 8 июня 2011 г.
11. «НГ-Наука», 14 апреля 2010 г.
12. Олейник А. Власть и рынок: система социально-экономического господства в России «нулевых» годов. — М.: РОССПЭН, 2011.
13. Российский статистический ежегодник 2011. М., 2012.
14. Путин В. О наших экономических задачах. «Ведомости», 30 января 2012 г. [Электронный ресурс]//Владимир Путин 2012 URL: <http://Putin2012.ru/events/149> (Дата обращения 24.11.2012)

